

Норманофобия и её фантомы

В продолжение темы перепечатаем статью Л.Н.Аряева, опубликованную в журнале *Valla*.

Аряев Л.Н. Норманофобия и её фантомы

Valla. №4(1-2), 2018

Бесконечная дискуссия

Спор о варягах, красной нитью проходящий через всю отечественную историографию, казалось бы, завершился в 90-е годы прошлого века, когда антинорманизм советского образца, лишенный государственной поддержки, пал под давлением массива новых данных (в первую очередь археологических, ясно и недвусмысленно демонстрирующих значительное присутствие норманнов в Восточной Европе в IX-XI вв.). Сложившаяся ситуация позволила Л.С. Клейну даже говорить о «конце дискуссии» [Клейн 2017: 199], хотя он и предвидел возможность возрождения антинорманизма уже не как научной концепции, а в качестве «позиции», поскольку антинорманизм имеет корни «скорее в психологии и политике, чем в науке» [там же].

Тем не менее антинорманизм пережил новое рождение в работах А.Н. Сахарова [2003], А.В. Кузьмина [2003], В.В. Фомина [2003; 2005; 2013], В.И. Меркулова [2003; 2005], А. Пауля [2015], Л.П. Грот [2013] и ряда других, причем все-таки в виде научной концепции. Другое дело, что в данном случае речь идет скорее об «эрзац-науке», как определил это явление О.Л. Губарев [Губарев 2015]. То есть в трудах современных «гонителей норманнов» соблюдается внешняя наукообразность, большинство из этих авторов имеют соответствующие дипломы и научные звания. Вместе с тем их работам присущи публицистическая направленность, стремление к политизации дискуссии, апеллирование к внеученым кругам, переходы на личности, передергивания, умалчивания и даже прямые фальсификации. В чем-то это новое направление в российской историографии напоминает креационизм в биологии: и там и тут главной и единственной задачей является не поиск истины, а доказательство некоего заранее принятого утверждения, подгонка решения под уже установленный ответ.

Клейн отметил еще одну характерную черту современного антинорманизма: его своеобразный регресс, возвращение на уже пройденную стадию развития, возрождение вульгарного антинорманизма Гедеонова и Забелина. Клейн говорит даже о скатывании современных антинорманистов к ломоносовским позициям [Клейн 2017: 217] но это не совсем верно, как будет видно из дальнейшего изложения. Фомин, Меркулов, Грот и ряд других пытаются доказать происхождение варягов из славянских племен Южной Балтики (ободритов). Фомин [2005: 147-199] настаивает на том, что только их позиция и является настоящим антинорманизмом, в то время как советский антинорманизм Рыбакова, Шаскольского, Мавродина, Авдусина и др. был «мнимым» (или «псевдонорманизмом»), поскольку все эти исследователи, не признавая за варягами существенного вклада в русскую историю, признавали, однако же, их скандинавское происхождение. Таким сектантским определением нынешние антинорманисты фактически отсекают себя от научного сообщества, поскольку в «норманисты» попадают едва ли не все историки, жившие и живущие в России или за ее пределами. Неприятие скандинавского влияния на русскую историю достигает у нынешних антинорманистов такой интенсивности, что уместно говорить уже не просто об антинорманизме, а о норманофобии.

Работы антинорманистов-норманофобов были подвергнуты справедливой критике [Клейн 2017: 201-220; Верхотуров 2005, 2015; Губарев 2017; Воронин 2017], однако некоторые из выдвинутых ими идей не удостоились подробного разбора в критических работах. Таковы, например, зачисление этими авторами в свои предшественники Ломоносова, Лейбница и Мюнстера, утверждения о генезисе норманизма из «готицизма» и «рудбекианизма», фантастические картины затопленного Рослагена. Во многом слабое внимание критиков проистекает из незначительности данных концепций: даже если принять их на веру, они не придадут современным антинорманистским конструкциям ни малейшей дополнительной достоверности. Тем не менее в интересах истины следует все-таки выяснить, насколько верны вышеназванные идеи и не имеем ли мы тут дело с той подтасовкой фактов, к которой столь охотно прибегали и прибегают антинорманисты.

2. Об историографических взглядах Ломоносова

Недостаток фактов и аргументов современные антинорманисты пытаются компенсировать массивностью аппарата ссылок и авторитетом тех, кого они зачисляют в свои предшественники. Показательны в этом отношении спекуляции Фомина [2005: 58-119; 2010; 2013: 13-33] на имени Ломоносова, которому он посвящает обширные панегирики, представляя себя защитником великого русского ученого от посягательств «норманистов». Расточая похвалы Ломоносову, Фомин, однако же, старательно обходит тот факт, что Ломоносов, хотя и считал Рюрика славянином, но гипотезу о происхождении варягов от вагров отвергал. Это явствует из ломоносовского комментария по поводу одного из пунктов полемики Крекшина с Миллером: мнение Крекшина о том, что «Рюрик призван от варяг, то есть от Вагрии, лежащие на берегу моря Варяжского», Ломоносов находил недостаточно аргументированным: «доказательства его о сем деле оставляют в сомнении» [Ломоносов, 1952: 11]. Собственно, доказательство связи варягов с Вагрией было и остается единственным: ассоциация по созвучию.

Видимо, Ломоносов понимал это лучше тех, кто сегодня встает в позу его защитника и охранителя. Заполняя десятки страниц подряд трюизмами на тему того, что Ломоносов великий ученый, Фомин не удосуживается хотя бы кратко остановиться на том, что, собственно говоря, написал Ломоносов касательно варягов. И понятно, почему: ведь, согласно тем сектантским критериям антинорманиста, которые дает Фомин, взгляды Ломоносова можно охарактеризовать как «норманистские». Вспомним, современные антинорманисты считают «норманистом» любого, кто признает варягов скандинавами. А Ломоносов в своей «Древней российской истории» не думает отрицать, что варяги – это скандинавы, он лишь уверяет, что не все варяги являются скандинавами [Ломоносов 1952: 203-204]. Ни о каких ваграх и ободритах, стоит подчеркнуть это еще раз, речи не идет. Ломоносов считал, что в варяжских дружинах, помимо скандинавов, могли быть и славяне, и против этого не станет возражать ни один вменяемый «норманист»: за это говорят и логика, и здравый смысл, и свидетельства летописей, в которых русские князья берут с собой в варяжские набеги чуть ли не десяток славянских племен. Ломоносов локализует Русь на южнобалтийском побережье, но не в пресловутой Вагрии, а в Пруссии. Его варяги-россы – это никакие не ободриты, а пруссы, которых он ошибочно зачислял в славяне [Ломоносов 1952: 205]. Разумеется, Ломоносову подобная ошибка простительна. А вот насколько простительно современным ученым вводить в заблуждение людей, приписывая Ломоносову их собственные взгляды, которых Ломоносов не высказывал – это уже другой вопрос.

3. Кому должно стыдиться Себастиана Мюнстера?

Помимо Ломоносова, современные антинорманисты стараются мобилизовать для защиты своих взглядов Себастиана Мюнстера. По понятным причинам их привлекает свидетельство из мюнстеровской «Космографии» о том, что Рюрик был призван в Новгород из племени вагров или варенгов, чьей столицей был Любек. В этом видится подтверждение южнобалтийской версии происхождения варягов, выдвинутой Герберштейном [Герберштейн 2008: 69]. Фомин придает большое значение тому, что первое издание «Космографии» вышло на пять лет раньше «Записок о Московии» (соответственно 1544 и 1549 г. [Фомин 2013]) В этом Фомину и его последователям видится проявление некой независимой от Герберштейна «широко известной в Западной Европе традиции», связывающей варягов с ободритскими землями. Грот считает свидетельство Мюнстера мощнейшим аргументом в свою пользу, который даже «шведские норманисты» предпочли просто замолчать, «пройдя мимо его личности с потупленными взорами» [Грот 2013: 295]. Причем боязнь Мюнстера, по мнению Грота, свойственна и современным «норманистам», которые якобы критикуют одного Герберштейна, «а Мюнстер в поле зрения отсутствует».

Если бы даже в издании 1544 г. действительно говорилось бы о Рюрике и его происхождении от балтийских славян, то достоверности ободритской гипотезе это не прибавило бы, поскольку в этом случае вставал бы вопрос, каким источником пользовался Мюнстер и насколько этот источник заслуживает доверия. Впрочем, никакого вопроса и не встает, поскольку ни о каком Рюрике в издании 1544 г. не говорится ни слова. Дело в том, что Фомин и его последователи цитируют

«Космографию» по изданию 1628 г., где действительно говорится о Рюрике, ваграх и Любеке, но при этом нет привязки Рюрика к родословию ободритских князей, она появится позже. Поскольку Мюнстер скончался еще в 1552 г., то никакого отношения к изданию 1628 г. он иметь не мог. Тем более что упоминание о Рюрике отсутствует и в последнем прижизненном издании «Космографии» 1550 г. Издания 1544, 1550, 1628 гг. и ряд других доступны в сети. При их просмотре можно убедиться, что в издании 1544 г., которое предшествовало публикации «Записок о Московии», о Рюрике не упоминается ни в описании России [Münster 1544: DXIII-DXLVII], ни в описании Померании [Münster 1544: CCCCXCVI-CCCCXVII], ни в описаниях Мекленбурга [Münster 1544: CCCCXCIII-CCCCXLVI], ни в описании Любека [Münster 1544: CCCCLXXXI]. Обратившись к описанию «Московии» в издании 1550 г. (последнем прижизненном), также не встретим имени Рюрика [Münster 1550: MXXIX-MXXXIII]. Аналогичная ситуация сохраняется во всех последующих, уже посмертных, изданиях, по крайней мере до издания 1598 г. [Münster 1598: MCCLI-MCCLXI].

Лишь в XVII веке рассказ о России дополняется историческим очерком. Видимо, это связано с нашумевшими событиями Смутного времени, которые нельзя было не отразить в новых изданиях, а для этого требовалось хотя бы краткий рассказ о прошлом России. И вот в издании 1628 г. читаем любимые норманофобами строки: Эти московские князья, по некоторым мнениям, происходят от кесаря Октавиана Августа. Его потомок по имени Рюрик из народа вагров или варегов, чьей столицей является Любек, в 861 году по совету знатного горожанина Гостомысла, был призван в Новгород и русскими, и москвитями вместе со своими братьями. [Münster 1628: 1420]. Источник этого известия не указан, но вряд ли стоит сомневаться, что это все тот же Герберштейн. Именно у него имеются сведения о происхождении Рюрика от Августа (этим сведениям Герберштейн не доверял, а вслед за ним не очень доверяли и издатели «Космографии», снабдившие известия оговоркой «по некоторым мнениям»), равно как и догадка о тождестве варягов с ваграми. Далее, точно по Герберштейну, повествуется о распаде страны, о ее объединении Владимиром (имеется в виду Мономах) в единое царство, о Дмитрие Донском и т. д. Герберштейн, как известно, долгое время рассматривался в Западной Европе как ведущий специалист по Московии, отчего и получила широкое распространение его теория о ваграх-варягах, основанная, как это ясно видно из текста «Записок о Московии», исключительно на схожести слов и на спекулятивном рассуждении о том, что князья из ободритов были бы русским роднее, нежели скандинавы [Герберштейн 2008: 69]. Мюнстер уже в первом своем издании упоминал посольскую миссию Герберштейна [Münster 1544: DXLVI]. Однако от включения догадок Герберштейна в свой труд Мюнстер воздержался. Таким образом, Мюнстер не только не оставил самостоятельных свидетельств в пользу ободритской гипотезы, но и не поддержал в этом отношении Герберштейна. Включая Мюнстера в свои союзники, Фомин и Грот либо ошибаются, либо грубо искажают факты. Они приписывают этому автору идеи, которых он никогда не высказывал. И потому как раз им, а не «норманистам», следовало бы проходить мимо Мюнстера «с потупленными взорами».

4. Мнимый антинорманист Лейбниц

Антинорманисты не упускают случая упомянуть, что сам великий Лейбниц принимал идею о тождестве варягов с ваграми (например, [Меркулов 2005: 46]). Какое это имеет отношение к сути спора о варягах, учитывая, что историком Лейбниц не был, исследованиями о варягах не занимался? Ясно, что никакого. Но только не для антинорманистов, которые используют авторитетных мыслителей прошлого в качестве подпорок для своих шатких конструкций. И чтобы создать такую опору, они нередко прибегают к маленьким хитростям, например, к недомолвкам. О том, что Лейбниц соглашался с трактовкой «варяги из Вагрии», они говорят охотно. Но при этом избегают полностью цитировать это место из переписки Лейбница. А оно довольно любопытно: Получив от Ла-Кроза ответ на свой вопрос (о князе Рюрике), Лейбниц сообщает ему свое предположение относительно страны, откуда вышли варяги. По его мнению, это Вагрия, область, в которой находится город Любек, и которая прежде вся была населена славянами, ваграми, ободритами и проч. «Эта Вагрия, – продолжает Лейбниц, – была несколько раз покоряема норманнами или датчанами. Итак, Рюрик, по моему мнению, был датского происхождения, но пришел из Вагрии или окрестных областей; ибо имя Рорика часто употребляется у датчан и других северных германцев, но не встречается у жителей Мекленбурга и других славян» [цит. по: Герье 1871: 102].

Как видно из цитаты, с антинорманизмом Лейбница не все так однозначно. Доверяя герберштейновской гипотезе о варягах и ваграх, растиражированной в Европе через поздние переиздания «Космографии» Мюнстера, Лейбниц, как настоящий ученый, не мог обойти стороной тот железобетонный факт, что имя основателя русского государства не было славянским. В отличие от современных лингвофриков, пытающихся сделать из Рюрика «сокола», Лейбниц не сомневался, что, если человек носит имя Рюрик, то он норманн, а не славянин. И что в итоге получается у Лейбница? Та же «норманнская» теория, только в уменьшенном виде и перенесенная на запад. Все те же норманны, покоряющие славян, все тот же князь с датским именем, властвующий над покоренными славянскими племенами. Так что если Лейбниц и «антинорманист», то «антинорманизм» его по критериям самого же Фомина следует признать мнимым.

5. Привет из затопленного Рослагена

Заметной фигурой в современном антинорманистском движении стала позиционирующая себя в качестве «шведской исследовательницы» Л.П. Грот. Ее работу об отсутствии имен Рюрика и Олега в шведских именованных Кузьмин охарактеризовал как «освежающий ушат», а про Грот (курьезно ошибившись насчет ее пола) заявил, что этот автор «буквально утопил наших норманистов в холодных водах Балтики» [Кузьмин 2003: 209, 232]. Ее построения были легко опровергнуты [Клейн 2017: 215], однако метафора пришлась мнимой шведке по душе, и она попыталась утопить не только норманистов, но и целую область Рослаген, которую считает своего рода священной коровой норманизма.

В представлении антинорманистов все их противники составляют некоего рода секту, возглавляемую узким кругом вождей (неспроста Фомин настойчиво выдвигал Клейна в конунги норманизма) и исповедующей единое учение. На самом деле это не так, и далеко не все, кто соглашается с очевидным скандинавским происхождением варягов-руси, в обязательном порядке признает этимологию *ruotsi > русь*, а тем более связь этого этнонима с Рослагеном. Если бы Грот ознакомилась со статьями Т.Н. Джаксон «Викинги и Древняя Русь» [Джаксон 2012], она бы знала, что у «норманистов» насчитывается целых семь локализаций скандинавской руси, и Рослаген – лишь одна из них. Но в картине мира Грот Рослаген намертво повязан с «норманнской теорией» и является ее краеугольным камнем: стоит только выбить его, и «цепочка Руден / Рослаген / Руотси рассыпается», что «делает бессмысленными лингвистические усилия норманистов» [Грот 2013: 112, 114].

С Рослагеном Грот расправилась радикально: «самой этой земли в раннесредневековый период еще не было»; якобы до XIII столетия эта область «как физико-географический феномен не существовала, ибо она находилась под водой... Эта область только к XIII в. стала представлять собой территорию с условиями, пригодной для регулярной человеческой деятельности» [Грот 2013: 107]. Очередной ушат холодных вод Балтики не произвел особого впечатления на профессиональных историков, поскольку, как выразился Л.С. Клейн, «опровергать аргумент “Рослаген” и подобные, чем занимается Грот, это бороться с тенью XIX века» [Клейн 2012]. Но среди широкой публики ее статьи имели успех, а «затопленные викинги» и «подводный Рослаген» немедленно стали слоганами на многочисленных антинорманистских сайтах. Вялая реакция историков на явно нелепую идею придает статьям Грот дополнительную убедительность в глазах профанов.

Между тем свою идею о подводном Рослагене Грот на удивление слабо аргументирует. Справедливо указывая на физико-географический характер вопроса об изменении береговой линии Скандинавского полуострова, она в соответствующих местах своей книги [Грот 2013: 106-114; 318-323] приводит ссылки на чисто исторические работы шведских исследователей (далеко не самые новые); к тому же в этих работах, насколько можно понять из изложения Грот, нигде не говорится прямо, что Рослаген во времена викингов был под водой, говорится лишь, что население Рослагена было незначительным; но будь Рослаген в действительности подводным царством, его «население» было бы еще менее значительным.

Ссылка на геофизическую работу всего одна [Грот 2013: 107]. Есть еще невнятная интернет-ссылка с таблицей изменений уровня моря в районе Мэлерен. Всем этим Грот «подтверждает» и без того бесспорный и отнюдь не новый факт значительного поднятия суши в этих местах, в результате которого залив Мэлерен превратился в отрезанное от моря озеро. По оценкам специалиста в области исторической геофизики [Ekman 2009: 65], за время наблюдений 1774-1884 гг. прирост суши в районе Стокгольма составил $4,93 \pm 0,23$ мм в год, для 1885-1982 гг. – $3,92 \pm 0,19$ мм в год. Но из этих фактов отнюдь не вытекает подводный статус Рослагена в историческое время, поскольку Стокгольм и озеро Мэлерен собственно к Рослагену не относятся, а поднятие суши на различных участках побережья Балтийского моря не является равномерным.

На топографической карте Швеции [Sveriges Länskarta] нетрудно заметить, что большую часть Рослагена охватывают изогипсы высот 25 м, встречаются отметки высот от 40 и до 70 м. Таким образом, даже если принять на веру утверждение Грот о том, что на протяжении X-XIII вв. суша в районе нынешнего Стокгольма поднялась на 6-7 м и что на побережье Рослагена наблюдалась точно такая же картина, то и в этом случае большая часть Рослагена не оказалась бы затопленной в эпоху викингов. Время, когда Рослаген действительно находился под водой, относится к началу бронзового века, когда уровень моря превышал нынешний на 25 м. В те времена северная часть Рослагена представляла собой архипелаг из маленьких (400x200-300 м) островков. Положение изменилось к концу бронзового века, когда уровень моря понизился и превышал нынешний лишь на 16 м. В результате этого внешняя цепочка архипелага сместилась к востоку, многие острова увеличились в размерах, основная часть нынешнего Рослагена стала сушей [Vjörck och Larsson 2011: 36-38]. «Открытие» Грот заключается всего лишь в вольной интерпретации давно известного факта послеледниковой поднятия суши (гляциоизостазии) в районе Балтийского моря. Этот феномен ни для кого не являлся секретом, и менее всего для жителей Рослагена, а точнее, Йостхаммара, которые еще в 1491 г. с тревогой оповещали правительство в Упсале, что в их обмелевшую гавань уже не могут заходить корабли [Ekman 2009: 21]. Коль скоро жители успели обзавестись гаванью, провести долгосрочные наблюдения и зафиксировать изменения береговой линии, которые не вдруг происходят, то можно полагать, что жили они там уже достаточно долгое время. И в самом деле, в одном из районов Йостхаммера обнаружены захоронения эпохи викингов [Vjörck och Larsson 2011: 35]. Следуя логике Грот, нужно предполагать, что викинги устраивали некрополи прямо на дне морском. Помимо этого, на территории Рослагена найдено множество рунических надписей XI в. Они обнаружены в Валентуле [Мельникова 2001: 321-322], Рослагс-Бру [там же: 39], Сёдербю [там же: 330], Уббю и Фрёсунде [там же: 336], Энгебю [там же: 340]. В этих надписях говорится о людях, отправившихся из Рослагена (в те времена называющегося Роденом) в восточные земли, в Финляндию, в Гардарику (Русь), Вирланд (Эстонию), а также о тех, кто не

дождался их возвращения на родину. Разумеется, ни о каком затопленном Рослагене и прочих фантазиях авторов XXI в. никто из этих людей ничего не знал.

Помимо всего этого, Рослаген («Родрсланд») упомянут в рунических надписях, украшающих знаменитого пирейского льва [Мельникова 2001: 270]. С этим неудобным львом Грот пыталась покончить столь же радикально, как и с Рослагеном – объявила нанесенные на него руны подделкой конца XVIII века, сделанной неким приверженцем «идеи великого прошлого свеев» [Грот 2013: 232]. Этот домысел не подкреплён вообще ничем. Вместо доказательств Грот выборочно и тенденциозно цитирует работу Янсона, подвергавшего сомнению некоторые толкования Брате, которыми оперировала Мельникова. Ожесточенность, с которой не разбирающаяся в теме рунических надписей псевдо-шведка нападает на признанного специалиста в этой области, проистекает исключительно из убеждения Грот в том, что «пирейский лев... на протяжении более сотни лет играл роль важного исторического источника, с помощью которого пытались подкрепить идею об особой роли Рослагена в шведской истории» [Грот 2013: 221], отчего он якобы особенно мил российским «норманистам», которые пытаются «спасти эту концепцию» [Грот 2013: 229]. На самом деле источников о населенности и важной роли Рослагена не только в шведской, но и в русской истории, как было показано выше, вполне хватает и без пирейского льва. Не говоря уже о том, что пирейский лев никогда не играл заметной роли в аргументации т. н. «норманистов».

6. Опирался ли Байер на Рудбека?

В работах Фомина [Фомин 2010] и Грот [Грот 2013] большое внимание уделяется шведскому норманизму, который возводится к Петрею и Рудбеку. Норманизм представлен одним из ответвлений учений Рудбека, Магнуса и ряда других шведских ученых, приписывающих скандинавам ведущую роль в мировой истории и склонных везде находить их влияние. Проводником рудбекианизма в России Грот считает Байера, с которым, как пишет (и выделяет написанное жирным шрифтом) исследовательница, «установили знакомство и начали переписку некоторые шведские историки и литераторы» [Грот 2013: 292]. С дотошностью следователя эпохи Большого террора Грот перечисляет эпистолярные контакты Байера с идеологическим противником [там же: 292-293; 296-297], как будто переписка ученого с иностранными коллегами каким-то образом его дискредитирует. Но в чем конкретно «согрешил» Байер в своих исторических трудах, в чем именно выразилось зловерное влияние шведов? В том, что «в небольшой по объему статье Байер использовал около десятка шведских авторов, а именно П. Петрея, Л. Буре, И. Перингшельда, Х. Бреннера, А. Моллера во главе с тремя ведущими мифотворцами шведской истории – И. Магнусом, О. Верилием и О. Рудбеком – как методологической опорой для своей аргументации» [Грот 2013: 297, пунктуация и синтаксис оригинала].

Понятно, что само по себе упоминание тех или иных авторов ни о чем не говорит, иначе Фомин и Грот, не упускающие случая помянуть Рудбека, Петрея и того же Байера, должны были бы считаться их последователями. Другое дело, если бы Байер использовал кого-то из вышеперечисленных авторов именно для доказательства скандинавской природы варягов-руси. Грот уверяет, что так и было и в доказательство приводит восходящую к Рудбеку цитату из Байера: «Скандия от некоторых называется Вергион и что оно значит остров волков... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля» [Грот 2013: 59-60]. Однако тут ничего не говорится о происхождении варягов, речь идет лишь об этимологии слова «варяг» и притом из цитаты совсем не явствует, что Байер с приведенной рудбековской этимологией (от «волка») согласен. Придется проверить Грот, обратившись к Байеру напрямую.

В сочинении Байера [Байер 1767; Татищев 1769: 393-424] мы видим, что начинает он, как положено, с постановки проблемы: варяги занимают важное место в ранней русской истории, от них Русь получила свое имя и первых князей, но при этом об их происхождении ничего достоверного никто сказать не может. Затем Байер перечисляет существующие к его времени гипотезы, выводящие варягов то из Пруссии, то из вагров. Относительно прусской гипотезы Байер указывает на ее позднее происхождение (не ранее эпохи Грозного), на связь этой гипотезы с заведомо фантастической родословной Рюрика от Августа; попутно он (с полным основанием) отвергает славянство пруссов и постулирует их родство с балтскими народами. Что до вагров, то эта гипотеза проистекает лишь из догадки Герберштейна, которому поверили Латом и Хемниц, отыскавшие для Рюрика подходящее место в родословии ободритских князей. Посрамив с опережением Меркулова и всех прочих поклонников мекленбургских генеалогий, Байер заявляет свою позицию: варяги являются скандинавами.

Как же он доказывает свое мнение? Не ссылками на чужие мнения, как это принято у современных ненавистников норманизма, а фактами. Он, во-первых, приводит свидетельство из Бертинских анналов о послых народа *рос*, оказавшихся шведами. Далее, он указывает на скандинавские имена первых русских князей и вельмож. Здесь он ошибочно причисляет имена Святослава, Владимира и Всеволода к славянским (на что потом с удовольствием будут указывать все антинорманисты), но совершенно справедливо говорит о норманнском характере имен Рюрика, Трувора, Игоря, Олега, Ольги, Аскольда, Свенельда, Блуда, Рогволда, Якуба, равно как и послов Олега, заключающих мир с Византией. Далее он приводит свидетельства Кедрина о нанятых Владимиром войсках из северных народов; Титмара Мерзебургского о беглецах из Дании, которые осели в Киеве; потом Романа Лакапина о русах-дромитах, произошедших от франков; Лиутпранда о русах,

называемых также норманнами. Как бы ни оценивать сейчас надежность этих доказательств, нельзя отрицать, что Байер вовсе не цитировал «со школярским доверием» [Грот 2013: 60] Рудбека и прочих авторов, а оперировал независимыми и достоверными (насколько это вообще возможно) источниками и фактами.

Во второй части работы Байер пытается разобраться в этимологии слова «варяг», и вот здесь-то он цитирует мнения по этому поводу различных авторов, в том числе и Рудбека с Моллером. Но и при этом он критически отзывается об их теории, выводящей слово «варяг» от слова «варг» (волк), и предлагает свое решение: «варяг» он производит от слова «вар», означающего «стражу», «гвардию». Эта гипотеза Байера оказалась ошибочной, но, во всяком случае, он отнюдь не следовал слепо за шведскими учеными и не выступал адептом столь ненавидимого Грот рудбекианизма.

7. Шлецер против Рудбека

Может сложиться впечатление, что часто поминаемый Грот «рудбекианизм» является неким идеологическим жупелом, наподобие приснопамятного «менделизма-вейсманнизма-морганизма». Но это не так: данный термин употребляется в западноевропейской историографии. Под ним понимают совокупность шовинистических мифологем, внедренных в историю и филологию Улофом Рудбеком. В России эта проблематика не привлекала особого внимания, что позволило Грот выступить в качестве первооткрывательницы и разоблачительницы рудбекианизма. Большая часть того, что пишет Грот о негативном воздействии Рудбека на научную мысль Европы, соответствует действительности. Однако критика рудбековских фантастических этимологий отнюдь не представляет собой чего-то нового: она началась уже в XVIII столетии. И одним из первых и самых яростных критиков Рудбека был отец-основатель русской исторической науки и русского норманизма Август Людвиг Шлецер. Хотя Грот и указывает на использование понятия «рудбекианизм» Шлецером, но делает это мимоходом, в придаточном предложении, и тут же приписывает себе введение этого понятия в научный обиход [Грот 2013: 37]. Понятно, почему Грот избегает подробностей: упоминание о критике Шлецером «рудбекианизма» немедленно торпедирует сколоченную ею концепцию российского норманизма как наследника шовинистических фантазий Рудбека.

Вместо того, чтобы клеймить норманистов как проводников идей рудбекианизма в России, следовало бы не поленившись перечитать шлецеровского «Нестора». В этой эпохальной работе Шлецер, помимо прочего, резко отзывается об «исландских бреднях» и удивляется, что «легковерные собиратели и переписчики сказок 13, 14 и 15 веков ссылаются даже на недавних писателей (16 и 17 стол., Кранца, Олая Магнуса, Иоанна Готтуса, Понтануса, Преториуса, Рудбека и пр.), не размышляя о том, что для истории нужно знать, откуда последние взяли или могли взять свои известия» [Шлецер 1809: 55].

Как видим, никакого пиетета перед Рудбеком у родоначальника норманизма нет. В другом месте он пренебрежительно отзывается о рудбековских этимологических изысканиях: «Если дадут мне сотню русских имен и слов, то с помощью известного рудбековского искусства, возьмусь я отыскать столько же подобных звуков в малайском, перуанском и японском языках» [Шлецер 1809: 429]. В другом своем труде Шлецер употребляет термин «рудбекианизм», и отнюдь не в положительном смысле. Рудбекианизм для него есть поверхностная, как сейчас сказали бы, любительская этимология, засоряющая процесс подлинно научного изучения прошлого и заменяющая его мифологическими фантомами. «Наверно, половина греческой мифологии обязана своим существованием этому рудбекианизму», – сетует Шлецер в своей «Северной истории» [Schlözer 1771: 260].

Так что горячность Грот совершенно неуместна: опасность рудбекианизма давно выявлена одним из ненавидимых ею норманистов. И это закономерно, поскольку именно через норманистов пришли в Россию настоящие исторические знания и, что еще важнее, научный метод познания прошлого. Научное познание не терпит мифов, сколь бы «патриотичны» они бы не были. И потому настоящий ученый Шлецер рудбекианизм всерьез не воспринимал. А вот нынешние российские запоздалые обличители Рудбека и Магнуса сами находятся под мощным воздействием рудбекианизма, только не шведского, а отечественного. И едва ли свой, домотканый вариант мифотворчества лучше шведского. К нему вполне приложима характеристика, данная много назад лет Шлецером: «Делиус говорит, что никакая история не может представить такого бреда ученой фантазии, как шведская; но в русской царствует еще неученая фантазия, которая естественно бредит еще смешнее» [Шлецер 1809: 429].

8. Не антинорманизм, а норманофобия

К счастью, в настоящее время «неученая фантазия» в российской исторической науке не «царствует». Однако ее «бредни», сколь смешны они ни были, еще не изжиты окончательно и пользуются заметной популярностью в обществе. Современные

«гонители норманнов» называют себя антинорманистами. Но достойны они ли такого названия? В списке антинорманистов стоят фигуры Ломоносова, Костомарова, Грекова, Рыбакова, Авдусина, Шаскольского и много других, которые, без сомнения, являлись великими учеными, оставившими заметный след в науке. Ныне же проповедуется учение настолько радикальное, что большинство из прежних антинорманистов оказывается в «норманистском» лагере. Если Рыбаков или Шаскольский настаивали на незначительности вклада норманнов в русскую историю, то нынешние антинорманисты вообще отказывают норманнам в праве присутствовать в прошлом России. Их неприятие всего скандинавского настолько сильно, что тут уместно говорить о «норманофобии».

Введение этого термина позволило бы сохранить название антинорманистов за теми, кто этого заслуживает и кому отказывает в этом Фомин. В конце концов, он и его последователи сами отрекаются от достойных антинорманистов прошлого. Так пусть же они будут последовательными и отрекутся также от их имени.

Аряев Л.Н., г. Зальфельд, Германия,

независимый исследователь

e-mail: l.aryayev@rambler.ru

Литература

Байер 1767 – Байер Г.З. Сочинение о варягах / Пер. Кирияка Кондратовича. – СПб.: [https://cloud.mail.ru/public/3YVM/gmbaA3seA] – Доступ на 08.04.2018.

Верхотуров 2005 – Верхотуров Д.Н. Продолжение спора о варягах // Альманах Лебедь, № 432, 3 июля. [http://lebed.com/2005/art4239.htm] – Доступ на 08.04.2018.

Воронин 2017 – Воронин В.М. Диагноз: фальсификация. Обзор работ В.И. Меркулова. // Valla. 2017. № 3(2). С. 100-106. [http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/99/99] – Доступ на 08.04.2018.

Герберштейн 2008 – Герберштейн, Сигизмунд. Московия / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008.

Герье 1871 – Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871. [http://books.eheritage.ru/book/10076064] – Доступ на 08.04.2018.

Грот 2013 – Грот Л.П. Призвание варягов, или норманны, которых не было. – М.: Алгоритм, 2013.

Губарев 2015 – Губарев О.Л. Рождение эрзац-науки: современная отечественная медиевистика и общество // Троицкий вариант – Наука. 24.12.2015. [https://trvscience.ru/2015/12/24/rozhdenie-ehsatz-nauki/] – Доступ на 08.04.2018.

Губарев 2017 – Губарев О.Л. О «научном провинциализме» современных антинорманистов и ленинградском «неонорманизме» // Valla. 2017. № 3(5). С. 110-113. [http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/134/144] – Доступ на 08.04.2018.

Джаксон 2012 – Джаксон Т.Н. Викинги и Древняя Русь // Полит.Ру. 24.08.2012. [http://www.polit.ru/article/2012/08/24/Vikings_Rus/] – Доступ на 08.04.2018.

Клейн 2012 – Клейн Л.С. Воинствующий дилетантизм на экране // Троицкий _____ вариант – Наука. 25.12.2012. [https://trv-science.ru/2012/12/25/voinstvuyushhijj-diletantizm-naehkrane/print/] – Доступ на 08.04.2018.

Клейн 2017 – Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб.: Евразия, 2017.

Кузьмин 2003 – Кузьмин А.Г. Облик современного норманизма // Антинорманизм. Сборник РИО. Т. 8. – М., 2003. С. 214-257.

Ломоносов 1952 – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. – М. – Л.: АН СССР, 1952.

- Мельникова 2001 – Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит. РАН, 2001.
- Меркулов 2003 – Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Антиноманизм. Сборник РИО. Т. 8. – М., 2003. С. 136-146.
- Меркулов 2005 – Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам). – М.: Амрита-Русь, 2005.
- Пауль 2015 – Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Стариграда. – М.: Книжный мир, 2016. – (Серия «Начало Руси»).
- Сахаров 2003 – Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Антиноманизм. Сборник РИО. Т. 8. – М., 2003. С. 9-17.
- Татищев 1769 – Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 2. – М., 1769.
- Фомин 2003 – Фомин В.В. Кривые зеркала норманизма // Антиноманизм. Сборник РИО. Т. 8. – М., 2003. С. 83-128.
- Фомин 2005 – Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М.: Русская панорама, 2005.
- Фомин 2010 – Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Фомин В.В. (отв. ред.). Варяго-Русский вопрос в историографии. – М.: Русская панорама, 2010. С. 203-521.
- Фомин 2013 – Фомин В.В. Голый конунг: Норманизм как диагноз. – М.: Алгоритм, 2013.
- Шлецер 1809 – Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлецером. Часть 1. / Перевел с немецкого Дмитрий Языков. – СПб., 1809.
- Björck och Larsson 2011 – Björck N. och Larsson F. 'Från bronsålder till historisk tid i norra Roden'. UV RAppoRt 2011: 94.
[http://samla.raa.se/xmlui/bitstream/handle/raa/5207/uvr2011_094_s1_76.pdf?sequence=1] – Доступ на 08.04.2018.
- Ekman 2009 – Ekman M. *The Changing Level of the Baltic Sea during 300 Years: A Clue to Understanding the Earth*. 2009. Published by the Summer Institute for Historical Geophysics, Äppelträdgården E, Haraldsby, AX-22410 Godby, Åland Islands
[<http://www.historicalgeophysics.ax/The%20Changing%20Level%20of%20the%20Baltic%20Sea.pdf>] – Доступ на 08.04.2018.
- Sveriges Länskarta – Sveriges Länskarta
[<http://extwebbgis.lansstyrelsen.se/sverigeslanskarta/?visibleLayerNames=L%C3%A4nsstyrelsens%20kontor&zoomLevel=0&x=532554.125&y=6904230.65625>] – Accessed 08.04.2018.
- Münster 1544 – Münster, Sebastian. *Cosmographia*. Basel, 1544. [VD16 M 6689]. [<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55007851n/>] – Accessed 08.04.2018.
- Münster 1550 – Münster, Sebastian. *Cosmographie*. Basel, 1550. [VD16 M 6693]. [<http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0007/bsb00074544/images/>] – Accessed 08.04.2018.
- Münster 1598 – Münster, Sebastian. *Cosmographie*. Basel, 1598. [VD16 M 6706]. [<http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0008/bsb00083444/images/>] – Accessed 08.04.2018.
- Münster 1628 – Münster, Sebastian. *Cosmographia*. Basel, 1628. [<http://bnm.bnrm.ma:86/pdf.aspx?IDc=4566>] – Accessed 08.04.2018.
- Schlözer 1771 – Schlözer, August Ludwig von. *Allgemeine Nordische Geschichte*. Halle, [http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11212298_00005.html] – Accessed 08.04.2018.
-
-